

Алексей
Затцляев

Прометей

Алексей Загуляев

Прометей

«Автор»

2026

Загуляев А. Н.

Прометей / А. Н. Загуляев — «Автор», 2026

Арт Колди - видеоблогер с двухмиллионной аудиторией и неутихающей болью, оставшейся в душе с самого детства. Однажды он решает посетить странный отель, где желающие выбирают для себя квест, чтобы пощекотать нервы. Однако его квест оказывается ключом, открывшим дверь не только к правде его прошлого, но и к внутреннему конфликту, который не прописан в сценарии и у которого нет единственно правильного решения.

© Загуляев А. Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1	5
2	8
3	11
4	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Алексей Загуляев

Прометей

1

Арт Колди — в быту Артём Дмитриевич Калугин — ненавидел эту колючую тишину.

Не ту тишину, что опускается на город в три часа ночи, когда замолкает последний трамвай и засыпает последний пьяница, — такая тишина была ему привычна и даже мила. Он ненавидел другую тишину: ту, что разливалась внутри, когда он садился перед камерой и открывал рот, чтобы говорить, — и не находил ни единого слова, которое не казалось бы ему мёртвым.

Три месяца. Три месяца он выпускал материалы на автопилоте.

Камера на штативе. Холодный свет ринглайта. Фирменные три удара пальцем по столешнице, которые зрители давно превратили в мем. *Тук. Тук. Тук.* И голос — ровный, чуть хрипловатый, абсолютно бесстрастный:

— Привет. Я Арт Колди. Сегодня мы разберём дело об убийстве на улице Луговой...

Его канал «Холодная голова» собрал два миллиона подписчиков именно за этот голос. За эту маску. За способность Арта говорить о самых чёрных вещах — о расчленёнке, о детских гробах, о маньяках с университетскими дипломами — так же ровно, как диктор зачитывает прогноз погоды. Зрители называли это «профессионализмом». Называли это «уважением к жертвам». Во всяком случае, никто не сомневался в том, что Арт знает, о чём говорит, и, самое главное, имеет достаточно такта, чтобы не переступить через невидимую многими из его коллег по цеху границу.

Сейчас он сидел в кафе на Энгельса (не хватило моральных сил добраться до привычной «Параллели»), нависая над чашкой остывшего американо, и листал аналитику за последний квартал. Цифры были хорошие. Охват рос. Реклама платила. Комментарии пестрели словами «топ», «красава», «лайк не глядя» и «это именно то, что мне было сегодня нужно».

И Арту хотелось выбросить ноутбук в окно.

Он поймал своё отражение в тёмном экране между вкладками — и не узнал человека, который смотрел на него оттуда. Тридцать один год. Тёмные круги под глазами. Щетина, которую он перестал сбривать не из эстетических соображений, а просто потому что забыл. Рубашка с маленьким пятном кофе у второй пуговицы.

Когда ты в последний раз чувствовал что-нибудь по-настоящему?

Вопрос вынырнул из глубины и повис, как запах подгоревшего масла. Арт мотнул головой и открыл новую вкладку.

Он уже две недели возвращался к этой странице. Возвращался и закрывал. Возвращался снова.

Отель «Паноптикум». Погрузитесь в реальность. Если осмелитесь.

Сайт был сделан с вызывающей элегантностью: чёрный фон, белый минималистичный шрифт, никаких кричащих баннеров. Ни одной капли крови, ни одного черепа, ни единого готического завитка — весь дешёвый арсенал жанра создатели демонстративно отбросили. Фотографий было минимум, и все они снимались так, чтобы не показывать почти ничего: угол не застеленной кровати, полоска жёлтого света под дверью, чья-то рука на дверной ручке — снятая за долю секунды до того, как её повернуть. Кадры, обрезанные ровно там, где начинается ужас. Арт, знавший цену такому монтажу, поймал себя на профессиональной зависти: тот, кто это делал, понимал, что воображение зрителя всегда дорисует страшнее, чем любая декорация.

Концепция была простой и чудовищной одновременно. Отель занимал старый доходный дом в промышленном районе — четыре этажа краснокирпичной кладки, вросшие в переплетение заброшенных складов и глухих заборов, куда не забредали случайные люди. Каждый из двенадцати номеров был посвящён отдельному резонансному преступлению. Не в смысле плохого вкуса и пластиковых муляжей — в смысле полного, дотошного, почти музейного погружения.

Создатели, судя по описаниям, работали как реставраторы. Обои подбирались под год и район события. Мебель искали на барахолках и в расселённых домах — не «похожую», а именно ту, что стояла бы там тогда. В номерах воспроизводили запах: сырость, дешёвый табак, хвойный освежитель воздуха, которым в девяностых заглушали всё на свете. Освещение настраивали под время суток, в которое всё случилось. Из скрытых динамиков шёл фон — шум труб, соседский телевизор за стеной, капающий кран, — записанный так, чтобы гость через полчаса переставал его замечать и начинал жить внутри.

И артефакты. Вот на этом слове Арт всегда спотыкался. Настоящие материалы дела — или неотличимые копии. Протоколы, вырезки, фотографии с мест, чьи-то письма, чьи-то счета за квартиру. Разложенные не как экспонаты под стеклом, а как вещи, которые хозяин только что отложил и вышел в другую комнату. Каждый номер был не выставкой, а квестом: гость не разглядывал историю со стороны — он попадал внутрь неё, в тот самый вечер, и должен был сам, по крохам, собрать то, что произошло. Пройти путём либо жертвы, либо того, кто постучался к ней в дверь.

Цены начинались от восьми тысяч за ночь.

Арт давно знал об этом месте. Писал о нём в контексте этических дискуссий о коммерциализации трагедий. Занимал взвешенную, холодную позицию: *с одной стороны... с другой стороны...* Публика оценила нейтралитет. Комментарии были вдумчивые.

Теперь он смотрел на список номеров. Двенадцать строк, набранных всё тем же ровным белым шрифтом, — и за каждой Арт, по долгу ремесла, уже узнавал реальное дело.

«Комната 302: Тихий Сосед» — серийный убийца, восемь лет живший в панельной пятиэтажке, здоровавшийся с соседками у лифта и одалживавший им соль. В описании обещали ту самую квартиру: ковёр на стене, сервант с хрусталём, идеальный порядок — и то, что за этим порядком стояло.

«Будни Бухгалтера» — корпоративное мошенничество и три трупа, аккуратно оформленных как несчастные случаи. Кабинет, папки, отчётность, в которой цифры не сходились ровно на три человеческие жизни.

«Красный трамвай» — Арт помнил это дело, о нём он и сам снимал выпуск: женщину нашли на конечной, в пустом вагоне, зимним утром.

«Дача» — три слова в описании, от которых сводило зубы: «Здесь любили гостей».

«Колыбельная» — Арт пролистнул быстро, не читая. Про этот номер он знал только то, что не хотел знать ничего.

Остальные названия он пробежал глазами, не задерживаясь, — «Абонент недоступен», «Класс 4Б», «Последний рейс», ещё какие-то, — все они были сделаны по одному лекалу: буднично, тихо, без единого слова про смерть. Именно от этой будничности и становилось не по себе. Так подписывают не аттракционы, а надгробия.

И в самом конце списка, после одиннадцати других, — двенадцатый номер.

«Невидимый Отец» — описание было короче остальных. Всего одна строчка:

Некоторые люди исчезают, не уходя. Некоторые уходят, не прощаясь.

Арт закрыл ноутбук.

Заказал ещё кофе.

Открыл снова.

И заполнил форму бронирования.

Он ехал в метро, прижимая к себе рюкзак с ноутбуком, и смотрел на свои руки. Длинные пальцы, привыкшие к клавиатуре. Мать говорила, что у него руки отца. Арт помнил это хорошо — одно из немногих упоминаний Дмитрия Калугина в их доме после того, как тот исчез.

Исчезновение было постепенным. Сначала отец пропадал по вечерам — возвращался с запахом водки и виноватыми глазами. Потом стал возвращаться только под утро. Затем уходил на несколько дней. Арту было девять, когда он в последний раз слышал отцовский голос — они ругались, и отец говорил что-то про «не понимаешь», а Арт орал в ответ что-то злое, детское, острое, как заноза. Он не помнил точных слов. Он помнил только, что кричал их с полной убеждённой, с желанием причинить боль.

Через три дня мать сказала коротко: «Папа уехал». И больше они к этой теме не возвращались.

Мать продержалась ещё четыре года — честно, по-своему, — а потом встретила мужчину из Екатеринбурга и уехала за ним. Арту было тринадцать. Его оставили у тётки — доброй, шумной, пахнущей борщом и валерьянкой женщины, которая никогда не понимала, почему он так редко улыбается.

Арт стал «холодным» очень рано. Это была защита. Позже ставшая профессией.

Метро вынырнуло из тоннеля, и в окне мелькнул город — серый, бесконечный, живой.

Некоторые люди исчезают, не уходя.

Арт смотрел на своё отражение в окне вагона и думал о том, что очень хорошо понимает эту фразу.

Арта встретил администратор — молодой парень с лицом человека, который видел уже всё и перестал удивляться. Провёл краткий инструктаж: нельзя фотографировать внутри номера, нельзя пытаться покинуть квест раньше завершения (дверь физически не открывается), в случае угрозы жизни или здоровью — кнопка «стоп» на браслете, который вам наденут на запястье.

— Вы выбрали «Невидимого Отца», — произнёс администратор без интонации. — Хочу предупредить: этот номер считается одним из наиболее... личных переживаний. Если вы не готовы столкнуться с...

— Я готов, — перебил Арт. — Как это работает? Вы изучаете биографии гостей заранее?

Первый раз за весь разговор в глазах администратора что-то мелькнуло.

— Создание квестов и соответствующей обстановки не в моей компетенции, — ответил он. — Иногда люди оплачивают свой собственный квест кому-то в подарок. Это всё, что я могу сказать.

Арту надели браслет — тонкий, чёрный, с маленькой красной кнопкой. Провели на третий этаж. Остановились перед дверью с цифрой двенадцать.

— Удачи, — сказал администратор и ушёл, не оглядываясь.

Арт постоял секунду перед закрытой дверью. Потом открыл её и шагнул внутрь.

2

Первым впечатлением стал запах.

Старый линолеум. Масляная краска на батарее. Что-то кислое — не неприятное, но узнаваемое — запах жилья, которое давно не проветривали. Запах, который нельзя воспроизвести искусственно, потому что он складывается из сотни маленьких молекул, каждая из которых — частица чьей-то жизни.

Арту этот запах был хорошо знаком.

Он остановился в прихожей и не мог пошевелиться.

Коридорчик в полтора метра шириной. Вешалка с одним крючком, на котором висел мужской пуховик — синий, с потёртым воротником. Тумбочка для обуви с отколотым углом. На тумбочке — стопка газет. Линолеум в мелкий геометрический узор, протёртый до белизны у порога.

Это невозможно.

Это была их прихожая. Точная копия — до царапины на плитке, до газет, которые отец никогда не выбрасывал, складывая в стопки по непонятной для маленького Артёма системе.

Арт медленно снял обувь — рефлекторно, как делал в детстве, — и прошёл дальше.

Кухня. Стол с клетчатой клеёнкой. Холодильник «Бирюса» с магнитиками. Плита с чуть перекошенной конфорокой. На подоконнике — алоэ в горшке, разросшееся и давно не политое.

Комната. Диван с продавленным сиденьем. Телевизор — старый, кнопочный. Книжная полка, заставленная вперемешку: учебники по нейробиологии, детективы в мягких обложках, несколько томов по истории.

Это был не просто похожий интерьер. Это было воссоздание с хирургической точностью. Арт стоял посреди своего детства и не понимал, как это возможно.

Так не бывает. Если кто-то заказал это именно для меня, то откуда он мог знать, что я всё-таки окажусь в этом номере?

Ближних друзей у Арта не было. С матерью он не общался с тех пор, как она оставила его на попечение тётки. А самой тётки два года как нет в живых.

Его мысли перебил включившийся сам по себе телевизор.

На экране — помехи. Потом изображение: маленький мальчик сидит за кухонным столом и делает уроки. Камера — любительская, качество девяностых. Мальчик поднимает голову, щурится в объектив. Арт узнал себя мгновенно.

Себя в восемь лет.

— Папа, не снимай, — говорит маленький Артём с экрана.

— Ты красиво учишь уроки. Потомки должны знать, — отвечает голос за кадром.

Голос отца.

Арт опустился на диван и долго смотрел на экран.

Он не знал, что существуют эти записи. Не знал, каким образом они попали к создателям этого места. Да это и не имело сейчас значения. Имел значение только голос. Живой, небрежный, чуть насмешливый голос человека, которого он не слышал двадцать два года.

Телевизор погас.

На книжной полке загорелась маленькая лампочка — она указывала на конверт, заложенный между томами.

Арт встал. Взял конверт. Внутри — карточка с текстом:

Найди то, что он прятал от тебя.

Следующий час был похож на страшный сон, когда не можешь проснуться, потому что в нём слишком много правды.

Арт методично обыскивал квартиру — и находил. В ящике письменного стола, под стопкой чистой бумаги, лежала папка. Он открыл её — и увидел чертежи.

Не строительные. Не технические. Это были схемы человеческого развития — стадии нейронного роста, формирования личности, — расчерченные с педантичной аккуратностью на миллиметровке. На каждом листе — пометки. *«Реакция на стресс — норма». «Эмпатический порог — высокий». «Рекомендация: усилить автономию принятия решений к 12 годам».*

В правом верхнем углу каждого листа было одно и то же: маленькая буква «А» в кружке. «А» — возможно, Артём.

Арт держал бумаги в руках и чувствовал что-то, для чего у него не находилось ни слова. Что-то между яростью и нежностью. Его жизнь — расписанная в виде медицинского проекта. Его рост, его реакции, его порог боли — занесённые в таблицы, просчитанные и задокументированные.

Он изучал меня, — понял Арт. — Он наблюдал за мной как учёный. Он не умел просто быть рядом — он умел только исследовать. Точно я был не человек, а созданный в лаборатории биоробот.

Из соседней комнаты донёсся звук.

Щелчок. Шипение магнитной ленты. И голоса.

Арт медленно встал и пошёл на звук.

В прихожей, на тумбочке, стоял кассетный магнитофон, спрятанный за стопкой газет. Он крутил плёнку. И из динамика звучали голоса — его голос и голос отца, — и Арт узнал запись прежде, чем успел её осознать, потому что тело узнало раньше головы: руки похолодели, горло сжалось.

Это была их последняя ссора.

— ...не понимаешь! — кричал он, девятилетний, с детским надрывом в голосе, из которого потом вырастут холодные репортажи. — Тебя никогда здесь нет! Ты вечно уходишь!

— Артём, послушай, я объясню... — голос отца был хриплым, но трезвым. Странно трезвым для того вечера, который Арт помнил как пьяный скандал.

— Не хочу слушать! Лучше бы тебя вообще не было! Лучше бы ты умер!

Тишина на плёнке.

Долгая.

— Хорошо, — сказал отец тихо. — Хорошо, сынок.

И всё.

Магнитофон остановился.

Арт стоял в прихожей чужой-своей квартиры, и браслет на запястье давил так, словно был из свинца. Он мог нажать красную кнопку. Мог остановить это.

Не нажал.

Потому что впервые за много лет понял: *он не помнил. Он переписал эту запись в голове так, чтобы отец был пьян и зол и сам начал ссору. Он переписал её, потому что не мог жить с тем, что сказал отцу эти страшные слова.*

Лучше бы ты умер.

И отец ушёл. Через три дня — ушёл. И умер — для Арта. На двадцать два года.

Арт опустился на корточки прямо в прихожей, прямо на тот протёртый линолеум, который он помнил подошвами ног, и прикрыл лицо руками. Внутри что-то ломалось — медленно, как лёд по весне, — и он не пытался этому помешать. «Холодная голова» рассыпалась в труху. Оставался только человек, который в девять лет сказал отцу, что тот лучше бы умер, и потом строил на этом чувстве вины целую жизнь — только вывернув его наизнанку, превратив в броню.

Он плакал. Не красиво — с хрипом и соплями, уткнувшись лбом в холодную стену.

Он плакал за обоих — и за себя, и за отца, которого не было, чтобы сказать ему в ответ: *ничего. я знаю. я тоже виноват. Мы оба виноваты. Отпусти.*

— Отпускаю, — прошептал Арт вслух, обращаясь к стене, к запаху старой краски, к воздуху, пропитанному чужим и своим детством. — Прости меня. Я отпускаю.

Дверь в прихожей щёлкнула и приоткрылась.

Квест был завершён.

3

Арт вышел из отеля в половине первого ночи.

Он не помнил, как добрёл до ближайшей скамейки во дворе. Сел. Долго смотрел в тёмное небо, в котором звёзд не было — только городское зарево, оранжевое и тёплое, как чужой свет в чужом окне.

Внутри было пусто. Не так, как бывает пусто от усталости или скуки. Иначе: как бывает пусто пространство, из которого вынесли старую мебель — и теперь стены ещё хранят силуэты от картин, а пол — вмятины от ножек диванов, но сам воздух стал другим. Готовым к чему-то новому.

Арт достал ноутбук — он брал его с собой всегда, по журналистской привычке фиксировать всё немедленно, — и открыл новый документ.

Он начал писать.

Не материал. Не скрипт для канала. Просто слова — сырые, без редакции. Писал о линолеуме. О запахе батареи. О чертежах на миллиметровке. О магнитофоне в прихожей.

Писал и не знал, что в момент, когда он зашёл в сеть отеля — ещё там, внутри, в пиковой точке своего эмоционального срыва, когда все когнитивные ресурсы были брошены на то, чтобы просто дышать, — Wi-Fi «Паноптикума» установил с его машиной совсем другой контакт.

Это заняло семнадцать секунд.

Специализированный эксплойт — крохотный, элегантный, как игла под ногтем — скользнул в систему через открытый порт обновлений и лёг на дно, в служебные процессы, невидимый для стандартного антивируса. Он не делал ничего. Не воровал данные, не замедлял работу, не оставлял следов в логах. Он просто существовал — спящий, тихий, терпеливый.

Арт закрыл ноутбук, когда начало светать.

Он сидел на скамейке во дворе промышленного района, и в нём что-то изменилось необратимо. Он ещё не знал — как именно. Не знал, что станет делать с этой пустотой внутри. Не знал, что с ней делать сейчас.

Но впервые за три месяца ему хотелось что-то снять.

Что-то настоящее.

Он поднялся, закинул рюкзак на плечо и пошёл к метро. Ноутбук нёс в рюкзаке — вместе с тем, чего он в нём не заметил.

4

Коворкинг на Садовой назывался «Параллель» и был устроен по принципу максимального демократизма: никаких отдельных кабинетов, только общие столы на разных уровнях, соединённые лестницами и мостиками. Фрилансеры, стартаперы, дизайнеры, копирайтеры, — все в одном пространстве, в лёгком гуле голосов и кофемашин.

Арт бывал здесь регулярно последние полгода. Ему нравилась эта анонимность среди людей: можно работать, не чувствуя себя запертым в четырёх стенах квартиры.

Он занял свой обычный стол у окна, выложил ноутбук, наушники, блокнот. Открыл новый документ — и снова уставился в белый экран.

Целая неделя прошла после «Паноптикума». Целую неделю он пытался написать об этом — и каждый раз останавливался. Не потому что не знал, что говорить. Потому что не знал, как говорить это *так*, чтобы это было честно. Весь его старый арсенал — дистанция, ирония, аналитика — не подходил. А другого арсенала у него ещё не было.

— Ты уже час смотришь в пустой документ, — произнёс голос рядом. — Это творческий кризис или экзистенциальный?

Арт поднял голову.

Девушка стояла у соседнего стола, явно только пришедшая — с рюкзаком на одном плече и бумажным стаканом кофе в руке. Лет двадцать пять, не больше. Короткие тёмные волосы с двумя яркими розовыми прядями за ушами. Большие очки в тонкой оправе. Старый свитер с надписью «SYSTEM ERROR» на груди.

Глаза у неё были внимательные — не навязчиво, а профессионально: она смотрела так, словно привыкла видеть сразу несколько уровней того, что перед ней.

— Оба сразу, — ответил Арт честнее, чем собирался.

Она усмехнулась. Протянула руку:

— Ли. Сокращённо от Лиана, но на Лиану я не отзываюсь.

— Арт.

— Знаю, — сказала она просто. — «Холодная голова». Видела пару твоих материалов.

Арт ждал комплимента — обычно люди, узнавая его, говорили что-нибудь про «профессионализм» или «как вы остаётесь таким спокойным». Ли ничего не добавила. Просто кивнула и открыла собственный ноутбук.

— И? — не выдержал Арт.

Она подняла взгляд.

— Хорошая работа. Но ты в последних трёх выпусках немного... деревянный. Как будто читаешь по сценарию то, что написал кто-то другой.

Арт открыл рот. Закрыл.

— Я слежу за аналитикой, — пояснила Ли, не извиняясь. — Это просто наблюдение. Можешь игнорировать.

— Не могу, — сказал Арт. — Потому что ты права.

Они разговорились случайно — или так только казалось. У Ли был редкий дар: она умела задавать вопросы так, что человек отвечал прежде, чем успевал выстроить защиту. Не агрессивно — мягко, как вода находит трещины в камне.

Арт рассказал ей про «Паноптикум». Не всё — но достаточно. Про кризис, про квест, про ощущение, что что-то в нём сломалось и никак не соберётся в прежнюю форму. Оказалось, что именно этого ему и не хватало — вот так просто, первому встречному излить накопившуюся в душе боль.

— Может, и не нужно в прежнюю, — сказала Ли, помешивая остывший кофе. — Прежняя форма, судя по всему, была неудобной для тебя самого.

— Зато удобной для двух миллионов зрителей.

— Два миллиона человек смотрят на тебя, как на артефакт. На говорящую маску. Это не аудитория — это коллекционеры.

Арт подумал об этом.

— Ты хакер? — спросил он вдруг.

Ли чуть прищурилась.

— С чего ты взял?

— Свитер. Взгляд. То, как ты посмотрела на мой экран, когда проходила мимо.

Она коротко усмехнулась.

— Консультант по кибербезопасности, — сказала она. — Официально. А ты умеешь читать людей, Арт Колди. Может, в этом твой новый материал?

Они проработали рядом до вечера. Когда Ли уходила — её вызвали по телефону — она остановилась у его стола.

— Слушай, а можно я сделаю быстрый аудит твоей машины? — спросила она небрежно, кивнув на ноутбук. — Я не просто так смотрела на твой экран. Просто профдеформация. И заметила странную вещь, которая, может быть, ускользает от твоего взгляда.

— Какую вещь?

— Мне легче будет объяснить, если я покажу со своего ноута.

— Давай.

Ли под села совсем рядом, развернула экран своего ноутбука так, чтобы Арт видел его хорошо, и ткнула пальцем:

— Видишь эти всплески?

— Что это?

— Твой сетевой трафик.

— И что это означает?

— Этот алгоритм мне хорошо знаком. Это дыхание... Так может «дышать» только то, что чужеродно обычным процессам. Но всплески чересчур явные и слишком уж ровные — каждые тридцать одну секунду.

— Я плохо разбираюсь во всём этом, — смущённо произнёс Арт.

— Я вижу, — усмехнулась Ли. — Таскать в рюкзаке такого динозавра... Сам апгрейдил железо?

— Нет. Один мой знакомый. Так что на счёт алгоритма?

— Я бы подумала, — продолжила Ли, — что это «что-то», проникшее в твоё железо, намеренно обращает на себя внимание. Но это глупо...

Арт пожал плечами.

— Так мне посмотреть? — Взгляд Ли был похож на взгляд человека, который уже не примет отказа, потому что в ином случае в эту ночь не уснёт спокойно.

— Если хочешь, — решил наконец Арт. — Только недолго. Мне ещё писать.

— Десять минут, — пообещала Ли и открыла его ноут.

Она работала быстро и молча. Арт смотрел на её руки — тонкие пальцы, летящие по клавишам без малейших колебаний, — и думал, что эта девушка, скорее всего, является самым интересным человеком, которого он встретил за последние несколько лет. А он встречал людей каждый день.

Ничего особо секретного в его ноутбуке не было. Доступ к банковским счетам и к важным документам, включая приватные переписки, имелся на другой рабочей машине, выходящей в сеть только по необходимости. Этот старый, обшарпанный, тяжеленный Toshiba Satellite принадлежал когда-то его отцу (откуда тот только его достал с их-то бедным существованием?) и хранил в себе лишь одну важную для Артёма вещь: единственную папку. Запароленную. В которую Арт так и не смог заглянуть. Или до конца не хотел? В его воображении там хранились

все ответы на вопрос, почему отец не вернулся. Но хотел ли Арт знать правду? Может быть, эта правда перевернула бы весь его сложившийся уклад и его представление о собственном прошлом? Прямо сейчас он мог бы попросить Ли разобраться наконец с этой папкой, и она бы без сомнения это сделала — это было понятно по той уверенности, с которой она предложила свои услуги.

Да и не в том было дело, что скрывать нечего. Ещё месяц назад Арт не подпустил бы к своей машине даже коллегу — не из-за паролей, а из принципа, из той же привычки, что не сбрасывала щетину и держала лицо непроницаемым перед камерой. «Холодная голова» не пускала к себе никого. Но «Холодная голова» осталась в двенадцатом номере, на протёртом линолеуме, вместе с магнитофоном и словами, которые он наконец сказал вслух. Из отеля вышел кто-то другой — тот, кто ещё не отрастил новую броню и пока не был уверен, что она вообще нужна.

Поэтому, когда Ли развернула его ноутбук к себе, он не почувствовал привычного укола. Просто растёкся, как весенняя лужа, по тому пространству, которое образовалось между ними. И даже не стал спрашивать себя — почему.

— Арт, — произнесла девушка. Голос у неё изменился: стал ровнее и тише.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.